

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЮРИЙ
КОРЧЕВСКИЙ

УШКУЙНИК

БИТЬ ВРАГА
В ЕГО ЛОГОВЕ!

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Хивренко*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Ушкуйник. Бить врага в его логове! / Юрий
Корчевский. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. —
320 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-699-86141-5

НОВАЯ СЕРИЯ исторических приключений. Захватывающий боевик признанного мастера жанра. Вольная Русь против Золотой Орды.

1471 год. После Куликовской битвы прошел уже почти век, а проклятое Иго все еще не свергнуто окончательно. Однако власть ослабшей Золотой Орды трещит по швам. И вызов потомкам Чингисхана теперь бросают не только княжеские дружины, но и вольные ватаги УШКУЙНИКОВ, что на своих легких речных ладьях-ушкунях совершают набеги вниз по Волге, разоряя ордынские земли.

А теперь пришло время нанести удар в самое сердце хищной Степи и бить врага в его логове.

Объединенный флот ушкуйников идет в поход на столицу Золотой Орды!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-86141-5

Глава 1

одителей своих Мишка не помнил. Жил он с дедом и бабушкой в их ветхой избушке на берегу речки в Чижевском селище, что под Хлыновым раскинулось.

Трудное детство было у Мишки. Дед был совсем дряхлым, и приходилось мальчику и коз пасти, и крышу латать, когда протекала, и дрова на зиму заготавливать. Зимы в вятских краях суровые, а силенок мало. Пока ребенком был, хворост собирал, а уж когда подрост, с дедовым топором в лес ходить стал — сушняк рубить да вязанками домой носить. Хворост быстро прогорал, и ходить за ним в лес приходилось каждый день. Не то — самостоятельные мужики: те деревья валили, пилили и на лошаденке в санях вывозили.

А еще — голодно зимой. Однако научился Мишка силки ставить. Когда-нибудь птица попадет или заяц, тогда праздник в доме — мясным духом пахнет.

Каждое воскресенье бабушка водила Мишку в церковь, на службу. Мишке в церкви было интересно: высоко над головой росписи чудные — ангелы парят, свечи горят, ладаном пахнет, оклады у икон золотом-серебром сияют — лепота! И вокруг нарядные все, особенно купцы, житий люд. Те всегда в первых рядах, а беднота да голытьба позади толкается.

Мальчик любознательным был, бабку вопросами донимал: «Что там написано?» Только что бабка сказать могла, когда сама неграмотная? Однако любознательного мальчонку заприметил приходской священник — пригрел, грамоте учить стал. А Мишка и рад. Случится время свободное, и, когда службы в церкви нет, к священнику бежит.

— Эта буковка — «аз», эта — «веди», а эта — «ижица».

Священник терпеливо показывал Мишке буквы в большом церковном псалтыре, а тот не переставал удивляться диковинным обозначениям, старательно выведенным рукой писца, а еще тому, что у каждой свое, говорящее название!

Беден был Мишка, не мог купить ни бумаги, ни пергамента, ни чернил. Из письменных принадлежностей только и было, что перьев в избытке. И учился Мишка писать зимой на снегу, а летом — на пыльной земле пальцем или хворостиной. Однако сметлив он был не по годам — схватывал все на лету, впитывал знания, как губка воду, и памятью Господь его не обидел. И к весне уже весь алфавит знал и читать умел — пока, правда, по слогам.

А еще священник его числам учил. Поперва, пока счет до десятка шел, Мишка на пальцах считал. А потом при храме вроде церковно-приходской школы образовалось, и Мишка вместе с другими ребятами стал ее посещать.

Смелым был Мишка — жизнь заставила. От деда защиты и помощи по дряхлости его ждать не приходилось, вот и бился Мишка на кулачках, когда обижали. Не смотрел, что обидчик старше и ростом выше. Часто сам бит бывал, и синяки не сходили, но уважать себя заставил. Весь Мутнянский конец знал, что малец обиду не спустит. Мутнянский — это от речки, Мутнянкой прозванной. Несколько улиц, часто кри-

вых и коротких, конец образовывали. И селились на таких концах люди одного ремесла.

Мутнянский конец был местом, где селились лодчники. Кто долбленки делал — это когда из ствола толстого дерева нутро выдалбливается, а потом снаружи обтесывается, а кто и плоскодонки ладил. Узка долбленка, но верткая, ходкая на воде. Плоскодонка пошире будет, на ней хорошо грузы возить.

Мишка мечтал иногда: «Как вырасту, тоже лодки делать стану».

Востребованное ремесло — Мутнянка в десяти шагах от избы протекает, впадает в Вятку. А где реки, там и спрос на лодки есть. И инструменты у деда есть — в сарае. Только вот заниматься ремеслом сил у него уже нет.

Так и рос паренек — как почти все его сверстники: работой любой занимался, не гнушаясь, лишь бы на еду заработать, потому как деда с бабкой тоже кормить надо.

Только после одной встречи жизнь Мишкина изменилась.

По селищу весть пронеслась: колокол в церковь Успения Пресвятой Богородицы привезли. Он лежал во дворе на жердях, дожидаясь подъема на колокольню. Узнав о колоколе, сбежались ребята посмотреть вблизи на сверкающее диво. Большой колокол, на солнце блестит, а понизу — вязь славянскими письменами.

И стал Мишка те буквы читать. Слушают ребята, рты раскрыв. Многие и постарше изрядно, да неграмотны вовсе.

Обошел Мишка колокол, надпись счел. А рядом купец оказался. Послушал он Мишку и подошел после.

— Никак — грамоте обучен?

— Разумею.

— Сколько весен тебе?

— Бабка говорит — двенадцать.

— Хм, а живешь где?

— На Мутнянском конце.

— У лодочников?

— Ага.

— И считать умеешь?

— А до десяти десятков.

— Ты гляди-ка, — удивился купец. — Кто же тебя научил?

— Священник Питирим — да вот же его церква.

Купец раздумывал, с любопытством оглядывая паренька.

— А как тебя звать-величать?

— Михаилом, — солидно ответил Мишка.

— Заработать хочешь?

— Кто же не хочет?

— Это верно, да вот только не у всех получается. Ты вот что: приходи завтра ко мне в лавку — на Огневищенском конце, спросишь Аникея Лазарева.

Купец огладил бороду, перекрестился на икону надвратную и вышел с церковного двора. А Мишку любопытство распирало — чего от него купцу надобно?

Ночью он спал беспокойно, а утром, едва проснувшись и ополоснув лицо, задал курам корма и — на Огневищенский конец.

Идти было недалеко, Чижы — село невеликое.

Добежав до лавки, Мишка остановился в нерешительности. В лавку заходили и выходили люди. Наконец Мишка решил и вошел.

Ого! У купца лавка была больше, чем дедова изба. И чего только на полках не было: тюки тканей разных цветов, платки, еще чего-то, чему Мишка и названия не знал.

Оробел парень, застыл у порога. Неудобно ему стало, видя такое богатство вокруг, за свою драную рубаху и босые ноги.

— Ты чего встал — проходи!

Из-за прилавка вышел давешний купец.

— Здравствуй, Михаил.

— И вам доброго дня, дядя Аникей.

— Разговор у меня к тебе есть. Помощника я к себе в лавку подыскиваю — чтобы грамотный был, счет вести мог. Был у меня помощник, да только зимой лихоманка его забрала. Давай-ка проверим, насколько ты учен. Держи!

С этими словами купец сунул Мишке в руки, покрытые цыпками, вощеную дощечку и деревянное писало.

— Пиши: два прибавить три.

— Чего писать, дядя Аникей — пять будет.

— Откуда знаешь?

— Так это — из головы.

— В уме, что ли, посчитал?

Аникей заставил Мишку писать разные слова, складывать и вычитать простые числа. Выполненным заданием остался доволен.

— Подходишь ты мне, парень. Вот только видок у тебя! — покачал он головой. — Всех покупателей мне распугаешь!

Мишка смутился. Он и сам это понимал, да денег на новую одежду у него не было. Видел парень монетки несколько раз, но в руках держать не приходилось.

— Ты честен ли, не воруешь? — неожиданно спросил купец.

— Как можно? — возмутился Мишка. — Я же крещеный, в церкву хожу.

— Ну — это я так, для порядка. Согласен ли ты работать у меня? Жалованье положу — одна деньга в седмицу.

Мишка не знал, что и сказать. Одна деньга — это много или мало?

Купец расценил Мишкино молчание по-своему.

— Ну, харчи в обед, само собой — мои.

— Согласен! — выпалил паренек.

— Однако же, — продолжал купец, — в таком виде тебе работать нельзя. Вот как сделаем. Я тебе рубаху и порты подберу. Как придешь в лавку, будешь переодеваться. А заработаешь деньжат — за одежду рассчитаешься, рубаха и порты твоими станут.

Обрадовался в душе Мишка, но виду не показал.

До обеда они вместе тюки тканей перетаскивали да пересчитывали. Товар переключивал в основном Аникей и диктовал пареньку:

— Шелк красный из Синда — один. Атлас хорезмский, лазоревый — один.

Не успевал Мишка — сроду на восковой табличке писалом не писал, оттого и язык от усердия высунул.

До обеда они трудились, отрываясь от дела, когда покупатели заходили. В обед купец лавку прикрыл. На чистой тряпице снедь разложил: яйца вареные, кусок белого хлеба, лук, редиску, жбан кваса выставил. Квас вкусный, на ягодах сварен. От вида яств таких у Мишки аж скулы свело, но он терпеливо ждал, когда купец первым вкушать начнет.

Такой вкуснятины паренек еще не пробовал.

После перекуса снова принялись за работу, пока в лавке не стемнело.

— Тебя где черти носили! — стал ругаться дед, когда Мишка явился домой. — С утра глаз не кажешь, уж на дворе вон темень какая, а его все нету да нету!

— Не ругайся, деда, я работать у купца Лазарева стал. Он мне рубаху и порты новые справить обещал.

— Тогда другое дело, — смягчился дед.

Мишка похлебал постной похлебки с горбушкой черного ржаного хлеба да и спать отправился. Утомился за день с непривычки, аж пальцы на правой руке ломило.

И пошел день за днем в работе. Приходил Мишка в лавку в своей драной одежде, переодевался, а дальше — что Аникей скажет. Тюки подносил к прилавку, ткань помогал отмерять, на вощенной табличке записывал, сколько какой продано. За месяц освоился, обвык. Да так ловко стал управляться, что не успеет еще Аникей распорядиться, как Мишка уже и так несет то, что купец хотел. И записывать не забывал — даже без напоминаний. А в конце месяца Аникей торжественно вручил ему четыре деньги и за одежду распорядился:

— Носи, заслужил. Обувку тебе еще справим, дай только срок. На младшего приказчика похож будешь.

Как на крыльях летел Мишка домой — так хотелось похвастаться перед дедом и бабкой обновками! Ни с кем из ребят по пути не разговаривал, боясь выронить монеты, что во рту, за щекой держал.

Долго разглядывали дед с бабкой обновы, в руках мяли. Бабуля даже прослезилась на радостях.

В один из дней, когда Аникей надолго отлучился, Мишаня сам переложил тюки на полках: шелк — к шелку, ситец — к ситцу, атлас — к атласу. Да не просто переложил, а с учетом цвета — оттенки одного цвета к одному месту снес. Так и покупателю удобно, и купцу. Раньше все тюки и рулоны вперемешку лежали.

Явившийся под вечер Аникей удивился.

— Это кто же в моей лавке так похозяйничал?

— Подумал я, — сказал Мишка, — что лучше один материал в одно место сложить, другой — в другое, кучкой. И нам сподручно, и покупателю товар видно.

Аникей хмыкнул, удивленный, походил у стеллажей.

— Ладно, пусть полежит покамест, а там видно будет.

Нововведение оказалось удобным. Да и опыта паренек уже немного набрался. Явится покупательница, а Мишаня сразу к ней:

— Чего изволите? У нас весь товар отменный, заморский.

И сразу рулоны раскатывает. Слова словами, а перед яркой да красивой тканью ни одна женщина не устоит, хоть немного, но купит.

Смотрел на него Аникей и дивился:

— И откуда ты такой взялся? Прямо купец прирожденный! А года возьмешь, взматереешь, так и меня обскачешь!

Через месяц Аникей лавку пораньше закрыл.

— Пойдем-ка со мной.

И с Мишаней — на торг, что в центре был, на площади. Не торжище, конечно, как в Нижнем Новгороде или Пскове, но свои ряды есть — мясной, рыбный, оружейный...

Купец подвел Мишаню к сапожникам.

— А есть ли у вас сапожки короткие легкие для парубка?

Мишка аж расцвел. Никто его так раньше не называл.

Перемерили несколько пар, пока не выбрали по ноге — красной кожи, мягкие, на подошве из толстой свиной кожи. Поторговавшись, — какой базар без торга? — купец скинул цену, да и купил.

— Носи, помощник, заслужил. Я слово купеческое давал, стало быть — исполнить должен. И ты себе на носу заруби: коли слово дал — держи! Кровь из носа — держи! Тогда тебе люди верить будут и уважать тебя станут. И под слово твое и товар тебе в долг дать могут али другое чего. Понял ли?

— Понял, дядя Аникей.

С приходом Мишани у купца дела пошли веселей. Подбил парень итоги за один месяц, за другой — выросла прибыль-то.

А через два месяца купец сказал озабоченно:

— За товаром ехать надо, пока тепло и реки полноводны. Подсобки-то уже пустые, сам видишь — весь товар в лавке выложен. Ежели один в лавке останешься, сдюжишь ли?

— Цены знаю, отмерять могу, счету обучен. Полагаю — справлюсь, дядя Аникей.

— Боязновато. Вишь — Бог детей нам не дал, супружница здоровьем слаба, ей бы с домашним хозяйством справиться, а в лавке и опереться не на кого, окромя тебя.

— Я не подведу, дядя Аникей.

— Не кажи гоп, пока не перепрыгнешь! Увидим по осени. Я ведь не в соседнюю деревню еду — аж в Псков. Хорошо, если с ветром повезет — попутный будет. На ушкуе-то против течения идти придется, за веслами попотеть. Да пока товар скуплю, да пока назад... Раньше чем через месяц, а то и поболее, не возвращусь. Выдюжишь?

— Спать-есть не буду, а не подведу.

— Ну — дай-то бог.

Через несколько дней купец уехал, дав парню кучу наставлений. В общем-то Мишаня и сам знал, что делать — освоился уже в лавке. Однако слушал Аникея со всем вниманием. Он — главный в лавке, хозяин!

Мишаня из кожи вон лез, стараясь угодить каждому покупателю. Хоть пару пуговиц продать, но только не отпустить покупателя без покупки. Когда покупателей не было — в лавке убирался, пыль протирал, мелкий товар повыгоднее на прилавке раскладывал.

За хлопотами время летело, и Мишаня с сожалением отметил, что лавка почти опустела — кончился товар-то! Когда уж Аникей явится?

Но пришел день — распахнулась дверь, и на пороге появился веселый, слегка пьяненький, загорелый купец.

— Ну здравствуй, Михаил!

Обвел взглядом полки и глаза вытаращил.

— А где товар-то?

— Продал, дядя Аникей!

— Не может быть! — не веря глазам своим, купец заглянул в опустевшую подсобку. — Хм! Ну тогда вот что. Давай сначала телегу с товаром разгрузим, а уж потом считать будем.

Они перетаскали баулы, рулоны и тюки в лавку и сложили кучей посередине. Купец уселся за прилавок и начал по вощеным дощечкам считать. Потом деньги пересчитал. Все сошлось до полушки.

— Молодца, Мишаня! Выходит — мне снова за товаром ехать можно? А что? Вполне до осени, до ледостава еще ходку сделаю. За рвение и честность еще две деньги тебе к жалованью добавляю!

Купец был доволен, отсчитал Мишане деньги. Рад был и Мишка. Нанял он плотников — стены у избы на два венца поднять, да печников — печку поправить. Зима, чай, впереди.

Преобразилась избенка! Дед с бабкой не нарадуются. Мишаня себя добытчиком почувствовал, даже ходить стал степенно, а не вприпрыжку, как раньше.

Через неделю купец и в самом деле снова за товаром уехал, успокоенный успешной Мишкиной торговлей. Хорошо теперь: товара много, выбор большой. Мишаня со временем в покупателях разбираться стал, не лебезил перед каждым. Зайдет в лавку молодлица, а он ей:

— Ах, как тебе к лицу вот этот шелк! Личико еще краше и приятней будет. И все женихи — твои.

Зардеется девушка и обязательно купит шелку.

К мужской половине — другой подход. Зайдет, к примеру, женатый человек, Мишаня к нему со всем вниманием.

— Вот аглицкое сукно, износа не будет — как есть заморское. И подклада к нему, да пуговицы оловянные. Коли желаете — медные есть, но подороже. А четыре аршина возьмете, так я и скидку дам.

Насчет скидок Мишаня подсмотрел на торгу — у купцов новгородских. Те со свеями да прочими немцами общались, у них переняли. И пошел, пошел товар... Так что, когда Аникой с новой партией товара явился, Мишаня большую часть первой партии уже продал.

Подивился Аникой:

— Да у тебя талант купеческий, парень!

Он посчитал деньги, сверился по записи — сошлось.

— И ты молодец, Михаил, и я не промах оказался. И знаешь, почему?

— Скажи, дядя Аникой.

— Нужного человека найти непросто. Один идет, увидел камень и пнул его. А другой этот камень подберет, очистит его, а это — самородок золотой. Постарше будешь — поймешь.

Прошел год. На жалованье купеческом вырос Мишаня, подросток, отроком стал. Идет по улице — девчата заглядываются. В селе Мишаню уже узнавали и, несмотря на его молодость, здоровались уважительно. Вот только у Аникея здоровье сдавать начало, тяжело стало ездить за товаром.

— Михаил, я вот что думаю, — обратился к Мишане как-то купец. — Ты уже в торговом деле поднаторел, не пора ли тебе на ушкуе за товаром ходить? А я уж в лавке как-нибудь, по-стариковски управляться буду.

Мишаня и сам видел, как непросто давались Аникею торговые вояжи. Одно удерживало раньше от такой помощи хозяину — сам возрастом не вышел. Это здесь, в Чижах, Михаила знали. А явись он в тот же Новгород — кто с недорослем дела вести захочет?